

Хагожеева Лиана Славовна

НРАВСТВЕННОЕ ПОНИМАНИЕ МУЖЕСТВА В АДЫГСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Историко-героические песни представляют собой целый пласт народного словесного искусства, в котором запечатлены события, определившие социально-историческое, культурное направление развития адыгских народов. Основная направленность историко-героических песен - отображение определяющих качеств идеального образа воина-рыцаря, среди которых особое место занимало мужество. Идеалы рыцарской морали включали в себя неукоснительное следование данным стандартам. Мужество в системе традиционных адыгских этических ценностей связывалось с чертами образа "настоящего мужчины", воина-рыцаря. В этой связи для исследования и анализа привлекается материал адыгских историко-героических песен.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 36-39. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MYTHOLOGEME OF PARADISE IN E. HEMINGWAY'S NOVEL "THE GARDEN OF EDEN"
AND IN O. WILDE'S NOVEL "THE PICTURE OF DORIAN GRAY"

Tatarinova Lyudmila Nikolaevna, Doctor in Philology, Professor
Kuban State University, Krasnodar
tatarinova.lyuda@yandex.ru

The article compares two novels of the greatest writers of the XIX and XX centuries – Oscar Wilde's "The Picture of Dorian Gray" and the posthumously published novel by Ernest Hemingway "The Garden of Eden" – in terms of the presence of biblical images and motives in them, the central theme of which is the motive of the Garden of Eden. Thus, the scientific novelty is in the unexpected context of research. Despite the difference in the creative methods of the two authors under study, there is a surprising similarity in the solution of this topic. Both Wilde and Hemingway write in their works about the inevitable loss of Paradise (the purity of the Soul and thoughts), but also about its return. Both authors associate heavenly bliss with the process of creativity. Both describe the theme of temptation and form triangles of characters. This similarity is explained by the writers' belonging to the paradigm of Christian culture.

Key words and phrases: Paradise; Hell; triad; flower motive; motive of mirror; E. Hemingway; O. Wilde; Christian paradigm; Good; Evil; Garden; symbolism; realistic method.

УДК 398.21

Историко-героические песни представляют собой целый пласт народного словесного искусства, в котором запечатлены события, определившие социально-историческое, культурное направление развития адыгских народов. Основная направленность историко-героических песен – отображение определяющих качеств идеального образа воина-рыцаря, среди которых особое место занимало мужество. Идеалы рыцарской морали включали в себя неукоснительное следование данным стандартам. Мужество в системе традиционных адыгских этических ценностей связывалось с чертами образа «настоящего мужчины», воина-рыцаря. В этой связи для исследования и анализа привлекается материал адыгских историко-героических песен.

Ключевые слова и фразы: историко-героические песни; адыгэ хабзэ (адыгский этикет); воин-рыцарь; мужество; стойкость.

Хагожеева Лиана Славовна

*Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского центра Российской академии наук, г. Нальчик
Liana1771@mail.ru*

**НРАВСТВЕННОЕ ПОНИМАНИЕ МУЖЕСТВА
В АДЫГСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ**

Историко-героические песни представляют собой целый пласт народного словесного искусства, в котором запечатлены события, определившие социально-историческое, культурное направление развития адыгских народов. Обращение к историко-героическим песням и плачам для характеристики такого специфического компонента адыгской этнической культуры, как образ и формы существования военно-феодалного сословия, состоящего из князей (пщы) и дворян различных степеней (уэркъ), их мировоззрения, законов, принципов и норм их поведения связано с тем, что они являются одним из немногих источников, позволяющих составить представление о мировоззрении, социальном опыте создавшего их народа, его ценностных установках и ориентирах.

Героические и трагические образы, своеобразный стиль изложения, выразительность поэтического языка, многочисленные исторические реминисценции: конкретные исторические личности, территориальные названия, описание быта и нравов – делают историко-героические песни неисчерпаемым источником сведений для филологов, историков, этнографов.

В историко-героических песнях и плачах, как и других жанрах фольклора, нашли отражение нравственно-этические нормы, лежащие в основе традиционной духовной культуры народа. Краеугольным камнем духовно-нравственной культуры была система нравственных, моральных ценностей – адыгагэ – букв.: "адыгство", "адыгская этика", представлявшая собой квинтэссенцию «нравственного опыта народа, выработавшийся веками механизм его культурной самоорганизации» [3, с. 6].

Песни в нашем исследовании служат материалом, в котором нашли отражение характерные особенности и основополагающие принципы традиционной национальной культуры.

В обществе, в котором главным достоинством мужчины являлась воинская доблесть, а самой большой наградой становилась песня в честь героя, проявление бесстрашия, мужества, стойкости, воинских навыков было явлением естественным и закономерным.

«Во многих случаях, – отмечал Н. Дубровин, – черкес брался за оружие, не знал отдыха, презирал опасности во время хищничества и боя для того только, чтобы стать героем песни, предметом былин и длинного рассказа у очага бедной сакли» [5, с. 67].

Жанровый характер, проблематика и тематика историко-героических песен, связанных, как правило, с описанием военных подвигов героев, определяют основную их направленность – отображение определяющих качеств идеального образа воина-рыцаря – мужество, доблесть, бесстрашие, стойкость, воинская выучка, благородство, щедрость, гуманное отношение к побежденным, уважение к женщине. «Составляющие элементы понятия мужества, – отмечает Б. Х. Бгажноков, – будучи тесно связаны и взаимообусловлены, поддерживают и дополняют друг друга. Доблесть побеждает угрожающий нравственности страх; стойкость противостоит разрушительному действию страданий, лишений, страстей; толерантность позволяет воздержаться от импульсивных реакций, необдуманных поступков; и, наконец, мужество-благородство является источником великодушия, справедливости, самоотверженного служения людям» [3, с. 63].

Мужество в системе традиционных адыгских этических ценностей связывалось с чертами образа «настоящего мужчины», воина, рыцаря и обозначалось словом «л1ыгъэ» (л1ы – мужчина). «Традиционно, – отмечает Б. Х. Бгажноков, – все это связывают с чертами настоящего мужчины, воина, рыцаря... в основе термина “мужество” лежит слово “мужчина”, ср.: л1ы – “мужчина”, л1ыгъэ – “мужество”. С общей направленностью этих рассуждений согласуется идея сложности и многосоставности мужества. Помимо храбрости, воинской доблести, в семантическом поле данной категории базисные моральные качества: почтительность, человечность, щедрость, сдержанность, рассудительность, справедливость. Аналогом мужества является благородство» [Там же, с. 60].

Мужество и стойкость, смелость, сознание своего долга как воина-защитника своей родины, отчаянная храбрость, готовность к самопожертвованию были одним из неотъемлемых качеств адыгского рыцарства.

Русские офицеры, участвовавшие в войне с горцами, отмечали мужество, стойкость и самоотверженность адыгских воинов, которые сражались до последнего, предпочитая гибель пленению. И. Бларамберг писал: «...когда они (черкесы. – Л. Х.) видят, что окружены, они сражаются отчаянно, дорого отдавая свою жизнь, и никогда не сдаются в плен» [4, с. 40].

Следует также отметить, что у адыгов традиционно не принято было прибегать к самоубийству, поскольку это не соответствовало идеалам воинской доблести и рассматривалось как проявление слабости. Даже женщины, предпочитая пленению и бесчестию смерть, как правило, не убивали себя, а подставлялись под пули, позволяя убить себя чужими руками. «Сдаться военнопленным, сообщает К. О. Сталь, – есть верх бесславия и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин отдался в плен. Потеряв лошадь, он будет сражаться до последней возможности и с таким ожесточением, что заставит наконец убить себя» [7, с. 88].

Описанные качества – самоотверженность, мужество, стойкость и бесстрашие находят отражение в адыгских историко-героических песнях и плачах. Так, например, в песне «Плач о Шеретлуковых» – «Шэрэл1ыкъомэ ягыбз» (бжедугская версия) – воспеваются храбрость и мужество воина-наездника, который в неравной схватке с противником, вооруженным артиллерией, бросается на пушку противника, рискуя быть разорванным в клочья снарядом, перескакивает ее на своем «белом чеченце» (порода лошади), чтобы уничтожить стреляющий из нее расчет противника:

Щэщэны гуцэуи шьуй пк1эгъолашхьор
Топы шыгумэ кьытхурегъалъэ [1, с. 280]. /
Чеченца [порода лошади] вашего белого
Через пушки ствол перепрыгнуть он заставил [Там же, с. 282].

В песне прославляется также стойкость воина, которого не может заставить дрогнуть и отступить противник:

Бзыиплгы гуцэуи ныбаджэ шабзэр
чэнтгыжы гуцэмэ кьыхьеунак1э
Чэнтгыжы гуцэри кьызыздеоджэ,
лъэубэкъори афыремыч [Там же, с. 280]. /
Красных соколиных [стрел] колчан
на чантов мерзких тратит.
Чанты мерзкие когда ударили,
ни на шаг с места сдвинуть [его] не смогли [Там же, с. 283].

В песне-плаче о Жамботе Бештокове, опубликованной в сборнике «Кабардинский фольклор» («Гыбза о Жамботе Бештокове»), отряд под предводительством Бештокова разбит противником. Поверженный с коня на землю всадник продолжает сражаться:

Тот, кто шолоха сильного голосом гонит,
Кто и упавши, ведет войну,
Чье старое ружье гремит,
Как шолох рыжий и пестрый [Там же, с. 154]...
Еще течет по усам молоко,
Но под ливнем пуль сражается он,
Хоть не старше щенка годами [Там же]...

В песне «Къэрэкъэшкъэтау зауэм и уэрэд» отмечается стойкость и сила духа одного из ее героев – князя Кыдыршоко, младшего из сыновей князя Инала, который, потеряв, по всей видимости, коня и будучи тяжело ранен, продолжает сражаться до конца, опираясь на свой меч: «Хахуэк1эрэ ди Къыдыршококъуэ / Джатэр и ба-шурэ дагыщ1э» [2, с. 35].

Стойкость – один из основополагающих принципов адыгского рыцарства, побуждавших воинов сражаться до конца, не сдаваясь в плен, не раз упоминается в свидетельствах и воспоминаниях российских военных, принимавших участие в сражениях с ними.

В песне «В бой» воины, находясь в безвыходной ситуации, на краю гибели, полны решимости сражаться до конца:

Вниз поглядели: одна тропинка.
 Вверх поглядели – одна звезда.
 Но не дрогнем в бою. Клянусь Ауш-каном.
 На темном коне Бороков.
 Патронов ждет Пшиготиж.
 Наготове ружья стрелять. <...>
 Плач женщин из селений услышим,
 В лесу умирая от ран.
 Но не дрогнем в бою,
 Клянусь Ауш-каном [1, с. 163, 169].

«Дыштыгурэ дывгьал!э!» – «Умрем стоя!» – поется в заключительных строках одного из вариантов песни («Жэштеуэ»).

Э. Спенсер справедливо отмечал: «Черкесский воин никогда не сдается в плен и сражается до тех пор, пока в нем не останется хоть одна искра жизни» [6, с. 108].

В песнях, наряду с прославлением воинского мужества, умения сражаться, также обличаются трусость и малодушие, проявленные тем или иным участником сражения:

УепльынкIэрэ жьакIэныкьуэтхьут
 джабэ тхьуйхэри IэкIэ кьефыщIри,
 Езыхэр хэтхэ я щыщ жыпIэмэ –
 ШурдымкIэрэ фи Пшымахуэжьи [1, с. 297]. /
 Посмотреть на него [муж] с бородой полуседой
 на склоне горы вьюнки руками вырывает*
 (*т.е. пытается скрыться, карабкаясь по склону горы).
 Сам из рода какого спросишь –
 Шурдымовых это Пшимахо старый [Там же, с. 298].

Дударыкьуэмэ фи Мыхьэмэтхэри
 Зи гьашIэми сэшхуэкIэлъэфи,
 ДыпкIэлъыфийуэрэ
 Андрыгу кIуэцIкIэрэ дэбгьэзеиж мыгъуи! [Там же, с. 297]. /
 Дударуковых, ваш Магомед,
 всю жизнь шашку по земле волочит,
 под наш свист
 по Андруга ущелью вверх удирает, о горе!
 Маржа хун, позора на себя не берите! [Там же, с. 298].

В «Плаче об Айтеке Канокве» – «Къанокьуэ Етэч и гьыбзэ» – неумеющего сражаться называют трусом (никчемным):

Кьуэхьуэ-псыхьуэм зауэр шаублэ
 шыпсафэ зауэри яублэмэ
 (Уэ) ямызауэфэри хуэмышуш [Там же, с. 242]. /
 В долинах битву начинают,
 у водопоя битву когда начинают,
 (Уа) сражаться кто не может, тот трус [Там же, с. 248].

Согласно принятым правилам и установкам, как упоминалось ранее, наиболее храбрые и мужественные воины по возвращении из набега или похода занимали позицию в арьергарде, в хвосте, защищая спутников от возможного преследования. В ситуации возможного нападения с тыла на отряд находящиеся в арьергарде принимали на себя бой, защищая спутников и давая им возможность уйти с добычей – угнанными лошадьми и скотом, если это происходило в набеге. Во время военных столкновений находящиеся в арьергарде воины защищали соратников, которые везли раненых и тела погибших, с тем чтобы те могли уйти от нападавших. Соответственно, песенная формула «в хвосте конницы крепостью он был...» была признанием мужества и готовности к самопожертвованию ради своих товарищей. В адыгских песнях она встречается довольно часто, дабы обозначить одного из ее героев как храброго и самоотверженного рыцаря, принимающего на себя ответственность по защите своих товарищей и риск быть убитым.

Одновременно во время боевой вылазки, похода, наезда, нападения наиболее опасным было расположение в авангарде. Находящиеся во главе отряда первыми подвергаются опасности в случае атаки, засады или внезапного нападения. Нахождение в авангарде во время наступления, наезда и в арьергарде во время

возвращения или отступления – свидетельство мужества и храбрости героя, и это обстоятельство находит отражение в историко-героических песнях и плачах. Например, в песне «Жэштеуэ» – «Ночное нападение»:

Къашкъэм чынтыдзэр щихьэкIэ шуупэш,
Лэужьри нэкапэрыплъэу къынос [Там же, с. 90]. /
Когда кинтское войско вступает в Кашку – он
передовой всадник [Там же, с. 92].

В песне «Хьырцыжь Алэ игьыбзэ» – «Плач о Хирциживе Але»:

Къызыдгъэзэжь гушэджэ, шыукIэ къалэ, ей Алыхь! [Там же, с. 284] /
Когда возвращались (гуша), в хвосте конницы
крепостью он был [Там же, с. 286]...

Таким образом, в историко-героических песнях и плачах нашли, прежде всего, отражение представления об идеальном герое-воине. В основе этих представлений лежала система глубоко и детально разработанных нравственно-этических, моральных (*адыгагъэ* – адыгство) и этикетных норм (*адыгэ хабзэ* – адыгский этикет). Идеал мужества для адыгского воина-рыцаря – достойная жизнь, заканчивающаяся не менее достойной смертью.

Список источников

1. **Адыгские песни времен Кавказской войны** / под ред. В. Х. Кажарова. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 437 с.
2. **Адыгэ урэдыхьэр. Зых. КъардэнгъуцI З.** Налшык: Эльбрус, 1979. 223 с.
3. **Бгажнокв Б. Х.** Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
4. **Бларамберг И.** Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1992. 240 с.
5. **Дубровин Н.** Черкесы (Адыге). Нальчик: Эльбрус, 1991. 416 с.
6. **Спенсер Э.** Путешествия в Черкессию / предисл., перев. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. 153 с.
7. **Сталь К. О.** Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 53-173.

MORAL UNDERSTANDING OF COURAGE IN THE ADYGHE HISTORICAL-HEROIC SONGS

Khagozheeva Liana Slavovna

*Institute of Humanities Research (Branch) of Kabardino-Balkarian Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
Liana1771@mail.ru*

Historical-heroic songs represent a whole layer of folk verbal art, which captures events that determined the socio-historical, cultural direction of the development of the Adyghe peoples. The main direction of historical-heroic songs is reflection of the defining qualities of warrior-knight's ideal image, among which courage occupied a special place. The ideals of knightly morality included strict adherence to these standards. Courage in the system of the traditional Adyghe ethical values was associated with the features of the image of a "true man", a warrior-knight. In this regard, the material of the Adyghe historical-heroic songs is used for the research and analysis.

Key words and phrases: historical-heroic songs; Adyghe Habze (The Adyghe etiquette); warrior-knight; courage; hardness.

УДК 8; 801.733

Статья посвящена исследованию творческого наследия туркменского поэта Махтумкули-Фраги, влияния его на развитие поэзии татарских поэтов-модернистов, которые выступали на страницах журнала «Шуро» и в поэтических приложениях-сборниках в 1908-1918 годы. Наряду с произведениями поэтов-суфиев тюркского Востока печатались и стихи Махтумкули, написанные под псевдонимом Фиракый, то есть Фраги (туркменский вариант), авторство которых литераторы приписывали неизвестному татарскому поэту начала XX века. Исследуя эти произведения, ученый излагает факты, на основе которых доказывает их авторство. Стихотворения Махтумкули оказались созвучными по духу поэзии татарских поэтов-символистов, во главе которых стоял поэт-издатель Дардеменд.

Ключевые слова и фразы: Махтумкули-Фраги; Фираки; Хива; Дардеменд; татарские поэты-модернисты; журнал «Шуро»; суфийские поэты.

Яхин Фарит Закизянович, д. филол. н., профессор

*Институт языка, литературы и искусства
имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
yafaz@mail.ru*

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНСКОГО ПОЭТА МАХТУМКУЛИ НА СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В духовном развитии татарского народа есть несомненная доля и творческого наследия туркменского поэта XVIII века Махтумкули-Фраги. Чистота его поэтического духа завораживает и рождает желание довольствоваться тем, что имеешь, с надеждой на перемены к лучшему.